

DOI 10.5862/JHSS.255.15

УДК 1:165

Л.В. Мурейко

МИМЕЗИС И РЕКУРСИЯ: К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Рекурсия – свойство мимезиса, посредством которого система процессуально продуцирует разнообразные многочисленные копии (подобия) себя, – будучи еще недостаточно изученной, является важным фактором эволюционной, онтологической возможности эффективной саморегуляции, самосознания, интересубъективности, социальной коммуникации в целом, включая массовую коммуникацию. В статье уточняются причины мимезиса, выделены его разновидности в зависимости от того, что лежит в его основе: подражание образцу, объекту, другому субъекту, уподобление системе знаков, экрану, технологиям, опосредующим и замещающим объекта и субъекта. Подчеркивается, что рекурсия – свойство, сквозное для всех видов мимезиса, имеющее коммуникативную функцию. Новым является анализ специфики рекурсии с привлечением данных нейрофизиологии, антропологии, социологии, семиотики, рассматриваемых через призму эпистемологии. В этой связи используются методы сравнительного анализа, аналогии, обобщения, объединяемые методологией междисциплинарного анализа. Учет механизма мимезиса, его свойства рекурсии имеет, как минимум, три практических приложения: в выявлении более широкого горизонта познавательных возможностей и адаптации, в оптимизации обучения детей и социализации в целом и в повышении эффективности управления массовым сознанием.

МИМЕЗИС; РЕКУРСИЯ; ЗЕРКАЛЬНЫЕ НЕЙРОНЫ; СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ; МАСС-МЕДИА; ЭПИСТЕМОЛОГИЯ.

Актуальность заявленной темы определяется растущим хаосом в представлении знаний, затруднением самоидентификации субъектов в условиях роста информационных потоков, с которыми часто не справляется классически понимаемая рефлексия, вовлекаемая в пространство масс-медиа.

Цель данной работы – исследовать специфику поисковой, практически действующей неосознаваемой самоорганизации системы, реализуемой через ее самокопирование (в том числе в условиях масс-медиа). Такое исследование необходимо, чтобы в дальнейшем, выявив характер связи неосознаваемой, но продуктивной самоорганизации и самокопирования с рефлексией, расширить потенциал последней.

Мимезис в его метафизике, как духовно-интеллектуальный процесс, был объектом исследовательского интереса Платона и Аристотеля. Мимезис биологического характера основательно изучался В.М. Бехтеревым. Сравнительному анализу биологического и

социального мимезиса посвятили свои труды Г. Тард, Р. Кайуа К. Лоренц, Т. Тинберген. Уточнение мимезиса через анализ самоорганизации и самокопирования системой осуществлялось в исследованиях У. Матураны, Ф. Варелы, Н. Лумана, Ж. Делеза, А.В. Анисимова, В.И. Аршинова, Я.И. Свирского, отталкивающихся от работ по синергетике. Г. Хакен (совместно с Ю. Португали), применяя синергетический подход к анализу активности мозга, рассматривал процессы самоорганизации и самокопирования в коллективных когнитивных процессах. М. Арбиб, Дж. Риззолатти, Т.В. Черниговская, исследуя самокопирующую функцию зеркальных нейронов мозга, находили связь между их действием и социальной самоидентификацией субъектов. В. Беньямин выявлял характер трансформации архаических чувственных уподоблений в современном языке. Эстетические возможности мимезиса исследовали М. Мамардашвили, В. Подорога, Ж. Батай. Концепцию экономического

мимезиса разрабатывал Ж. Деррида. Однако, несмотря на множество работ, посвященных мимезису в его различных проявлениях, специфика рекурсивного свойства мимезиса в его коммуникативной функции еще не имеет достаточной ясности.

В данной работе мы используем методы сравнительного анализа, аналогии, обобщения, классификации, структурно-функциональный и семиотический методы. Все они объединяемы междисциплинарным подходом к исследованию заявленной темы.

Мимезис играет немаловажную роль в эволюционном процессе. М. Дональд не случайно называет его одним из важнейших эволюционных факторов формирования собственно человеческой пролонгированной, объемной оперативно-пластичной памяти, необходимой для сложного обучения [1].

Характерной чертой мимезиса является удвоение мира через уподобление (имитацию). К наиболее острым вопросам в исследовании мимезиса относятся следующие: а) Что имитируется? б) Чем обусловлена необходимость имитации? в) Лежит ли в ее основании механизм отражения?

Сравним две разные позиции биологов в решении этих вопросов. Первую представляет В.М. Бехтерев, согласно которому биологический, инстинктивный мимезис основан на отражении-подражании объектному миру, имеет характер реактивности и состоит в «оживлении» следов предыдущих воздействий внешней среды. Общая причина подражания — страх, непосредственная реакция на угрозу жизни, стремление к самосохранению.

Другая позиция представлена исследованиями Р. Кайуа, К. Лоренца, Т. Тинбергена, У. Матураны, Ф. Варелы и др. Их критика первой позиции состоит в неоправданности идеи мимезиса, если он жестко определяется подражанием *чему-то*, если присутствует акцент на *объекте* подражания, и тем самым мимезис сводится к воспроизведению (репродукции). Так, согласно К. Лоренцу, живое существо в своем выживании определяется не подражанием, а тем, что оно представляет собой «знающую реальность». Не образ, а индивидуально значимый мельчайший знак может содержать в себе информацию, чрезвычайно важную для выживания животного [2].

Эту идею У. Матурана и Ф. Варела развивают и уточняют следующим образом: биологические корни познавательного процесса определяются тем, что «никакого объекта познания нет. Знать — значит уметь вести себя адекватным образом в ситуациях, связанных с индивидуальными актами или кооперативными взаимодействиями» [3, с. 135]. Матурана и Варела полагают, что не отражение (репродукция), а аутопойезис как саморегулирующаяся система оказывается конституирующим признаком жизни [4, с. 51–52].

Суть аутопойетической системы любого уровня (включая социальные системы) состоит в том, что всё, что в ней происходит, является выражением особенностей самой системы, реагирующей на внешние раздражители тем способом, который ей имманентно присущ. Она занимается не столько отражением внешнего мира, сколько творчеством собственной модели этого мира на основе поступающих от него сигналов. При этом связь нейрофизиологии живых существ и неорганической природы осуществляется на основе принципа «структурной сопряженности» системы и окружающей среды через *механизм коммуникативного типа*. Речь идет о том, что живые существа в качестве самозамкнутых аутопойетических систем сосуществуют с окружающей средой через взаимодействие друг с другом на основе выработки системы сопряжений (координаций), понятной для всех.

Итак, термин «аутопойетические системы» — сквозной термин работ У. Матураны — означает «сети производства компонентов, которые (1) рекурсивно, через свои интеракции, генерируют и реализуют сеть, которая производит их; и (2) конституируют в пространстве своего существования границы этих сетей как компоненты, которые участвуют в реализации сети» [5, с. 21]. Определяющими здесь оказываются такие свойства аутопойетических систем, как *рекурсия* (процессуальное самокопирование) и *конституирование своих меняющихся границ*.

Сам термин «рекурсия» заимствован из математической логики и теории множеств. Сегодня он используется в широком контексте, в том числе и применительно к социальным системам.

На тот факт, что мышление функционирует на основе особого нейрофизиологического про-

цесса рекурсии в виде самопроекции нервной системы, которая взаимодействует с собственными внутренними состояниями, включая их в свою структуру, кроме исследователей У. Матураны и Ф. Варелы, указывают в своих трудах Н. Бехтерева [6], Т. Черниговская [7], М. Арбиб и Дж. Риззолатти [8] и др.

М. Арбиб и Дж. Риззолатти открыли определенные свойства мозга, которые были обозначены как «зеркальные нейроны» и «зеркальные системы» [Там же]. При исследовании зеркальных нейронов было обнаружено, что они фиксируют и «работают» только с той исходящей от разнообразных существ информацией, которая вписывается в понятную систему координат, знаковая система которых имеет некоторые сходные черты и формы интерпретации. Здесь особенно важно, что зеркальные нейроны реагируют не на любую информацию (действие), а только на доступную органам чувств того, кто ее воспринимает, и когда она актуальна для действия, которое он выполняет самостоятельно. Было установлено, что зеркальные системы особенно активизируются, когда возникает необходимость *удвоения* воспринимаемого, переживаемого *в качестве значимого*. Наиболее активны они в случаях *предвидения* будущих действий в отношении уже существующих, *воспоминания*, а также *сопереживания* эмоций.

Выделим три важные составляющие нейрофизиологической основы таких свойств зеркальных систем, как динамичная самоорганизация и самокопирование: 1) нейроны, принадлежащие разным областям коры, которые способны мгновенно объединяться в единый функциональный блок [9]; 2) нейронные ансамбли, выполняющие функцию широко понимаемой доминанты [10]; 3) кодируемые посредством нейрофизиологических структур постоянно воспроизводимые базисные социально и культурно значимые концепты-примитивы [7; 11, с. 72, 73].

Принципы объединения нейронов, согласно П.К. Анохину, — это динамичность, пластичность, т. е. способность к быстрой перестройке всего паттерна с учетом множества факторов влияния. Заметим, сходные сведения можно найти в исследованиях распределения энграмм в памяти, когда выясняется, что один и тот же объект познания может *одновременно быть составной частью ассоциативных множеств,*

действующих по разным основаниям: сенсорных модальностей, различных парадигматических и синтагматических связей. Доминанта и кодируемые нейрофизиологическими структурами базисные социально и культурно значимые концепты-примитивы — факторы, вносящие иерархический порядок в действие нейронов, функционирующих по принципу ассоциативных множеств.

Роль зеркальных систем в обеспечении устойчивой возможности *социальной самоидентификации* оказывается настолько важна, что их выход из строя вызывает психическую патологию в виде шизофрении [12] и, по-видимому, аутизма: для обоих характерно разрушение социально ориентированных действий. В нейрофизиологическом плане, вероятно, это обусловлено снижением активности доминанты и нейронных структур концептов-примитивов.

Некоторые исследователи, ссылаясь на открытие нейронов навигационной системы, нейронов, обеспечивающих «чувство числа» или протоматематической интуиции, являющихся, возможно, «основанием абстрактного мышления вообще» (С. Деан), считают, что «образ (человеческой) культуры в общем и целом определяется мозгом» [13, с. 1150]. Для частных видов и сфер деятельности, может быть, это верно. Так, Р. Дули представляет результаты своих нейронаучных исследований, проведенных на базе Венского института функциональной топографии головного мозга им. Людвига Больцмана, как продуктивную платформу для эффективного изменения поведения покупателя в интересах продавца [14]. Однако применительно к обществу в целом вряд ли можно согласиться с тезисом о том, что фундаментальные изменения социальной практики определяются структурно-функциональными особенностями мозга. Скорее правы Т.В. Черниговская [7], а также Т. Дикон [15], согласно которому язык как социальное явление «оккупировал» мозг. Мозг и язык осуществляют ко-эволюцию, но ведущую роль в этом процессе всё же играют социальные факторы, среди которых особое место занимает язык.

Современный социум существует в технически сложном, во многом искусственном мире, в котором важную роль по отношению к предметному миру играет широко разветвленная сложная система знаков. Подчеркивая осо-

бенность современности символом бунта или восстания посредством знаков, действующих в духе «Kool Killer» [16, с. 155–166] применительно к обществу, где знаково-символический способ представления реальности подчинен масс-медиа, Ж. Бодрийяр приходит к выводу, что все попытки самоорганизации и самореференции симулятивны. В основе повсеместной симуляции, полагает он, лежит механизм социального кода, схожий с механизмом самовоспроизводства живых систем, управляемым бинарным кодом ДНК [Там же. С. 133]. Далее Бодрийяр проводит аналогию кода ДНК и элементарной частицы информации – бита. Устанавливается, что действие бита по принципу «вопрос – ответ», которому соответствует алгоритм «да – нет», аналогично действию кода ДНК, циклически воспроизводящего одну и ту же модель существования.

В обществе масс референция становится тестом и референдумом. Любой знак, сообщение, телепередача, социологический опрос, выборная кампания действуют по принципу «вопрос – ответ», где ответ предустановлен для бесконечно дробящихся вопросов. Разрастающийся нарциссизм, стремящийся уйти от стереотипов в условиях особой роли в обществе масс-медиа, охарактеризован Бодрийяром как «синтетический», искусственно моделируемый, как *наиболее изощренная форма симуляции индивидуальной самобытности*. При этом субъект нарциссизма определяется следующим образом: «...фактически это никто, фиктивный элемент, служащий опорой дискурсу модели. Это не то „вы“, к которому обращается речь, а внутрикодовый эффект раздвоения, призрак, возникающий в зеркале знаков» [Там же. С. 212]. Всё дело в том, что сама отдаленность оппозиций в пространстве масс-медиа симулятивна.

С точки зрения Ж. Делеза, ситуация не так безнадежна. Саморегуляция, самореферентность в условиях довлеющего влияния стереотипов обеспечивается *сингулярностью*. Это одно из ключевых понятий постмодернизма, обозначающее *самобытность, которая существует в поле пересечения индивидуального и безличного*.

Если для Бодрийяра симулякр – подражание подражанию – связан с невозможностью выйти за пределы разрастающейся стереотипной имитации реальности, то для Делеза он – средство преодоления искусственно заданного

шаблона репрезентации как предметного мира, так и субъекта. «Если верно, – пишет Делез, – что элементом репрезентации является тождество, единицей измерения – подобие, то единица измерения чистого присутствия, каким оно предстает в симулякре, – „разрозненное“, т. е. постоянное различие различия в качестве непосредственной составляющей» [17].

Позиции Ж. Делеза близка позиция Ж. Деррида, который вводит понятие «дифференц» (различающее различие), делая ставку на свободное от шаблонов, самореферентное, рекурсивное письмо, рассматриваемое как способность множественного миметического удвоения существования через уподобление избытию смысловых возможностей знака. Миметическая способность такого письма, с этой позиции, позволяет причаститься (уподобиться) к мощной энергии непознанного мира, к игре сверхчеловеческих стихий. Это возможно за счет актуализации значений непознаваемого путем множественного удвоения в письме банальных концептов, автоматически используемых имен и ценностей с целью испытания их границ. С этим постмодерн связывает возможность передавать невыразимое в обычной коммуникации, появление способности уподобления «трепету *суверенных сил*». Благодаря этому ожидается появление более продуктивной и быстрой связи с другими сознаниями, повторения себя в них (за счет возникающего в условиях трансгрессии усиленного эффекта суггестии) (Ж. Батай). Прогнозируется самораскрытие в этих условиях самой инфраструктуры познания, *проявление его инструментальных средств* на фоне обнаруживающих себя условности дискурса и его парадигмы в целом.

Не принимая крайностей постмодерна, можно согласиться с ним в том, что рост деперсонализации и стереотипного мышления в условиях особой роли в обществе масс-медиа требует специальной работы с дискурсом социальной коммуникации, выявления в нем продуктивной функции рекурсии, неявных автоматических и шаблонных механизмов, а также дискурсивных средств сопротивления последним. Это позволит уточнить феномен социальной рациональности. В эпистемологии, представляющей науку в широком плане (в ее включенности в социально-культурные процессы), рекурсия должна быть рассмотрена

как важная составляющая *единого* познавательного-практического процесса. Представленная в таком плане эпистемология должна учитывать и самоорганизующую субъективность, присущую познавательному процессу (через создание субъектом собственных копий для самосохранения в разных условиях и в отношении разных адресатов), и особенность адаптации социально-коммуникативного характера.

В значительной степени правы авторы работы «Проблемы субъектов в постнеклассической науке» [18], утверждающие, что «коммуникативно-рекурсивная модель» является базовой для исследования постнеклассического субъекта. Можно согласиться и с их толкованием онтологического аспекта исследования рекурсии, при котором она «выступает как предпосылка принципа аналогии, обобщенной фрактальности, лежащей в основе динамики эволюционных процессов» [Там же. С. 58].

При этом следует иметь в виду особенность «эпистемических вещей» по отношению к «вещам технологическим» (Х.-И. Райнбергер). «Технологические вещи» определяются фиксированными, стабильными качествами. В этом случае субъекты (исследователи, потребители, эксперты), обладая иллюзией независимого наблюдателя, воспринимают вещь через те инструментальные функции, знанием которых они сами предварительно уже располагают. «Эпистемические вещи» порождены и развиваются далее через их *рекурсивную* подпитку знанием субъектов-наблюдателей, когда представление о вещи наращивает свою сложность за счет соучастия наблюдателя. Один из эффективных путей эпистемологии – выявление особенности «эпистемической вещи» через анализ «объективации» ее рекурсивного усложнения, которое осуществляется благодаря включенности в ее изменение наблюдателя.

Итак, можно сделать следующие выводы:

1. Важно определиться с причиной мимезиса, самокопирования процессуального характера. Не существует абсолютной копии из-за разницы между конечной, формальной системой означающего и бесконечностью разнообразного означаемого. Именно этим и обусловлен ряд повторений, которые всегда сопровождает

различие. Ненасытность копирования происходит от стремления приблизиться к уникальности сущего, к манящей, но всё время ускользающей полноте знания. Добавим к этому, что повторение также имеет функцию социального сплочения, символического воспроизведения запретного, акцентирования на том, что значимо, и актуализации неясного, непонятного.

2. Формы мимезиса разнообразны в зависимости от того, *что лежит в его основе*. Это может быть подражание *образцу, объекту*, уподобление *системе знаков, экрану, технологиям*, опосредующим и замещающим объекта и субъекта. Рекурсия, обеспечивая самосохранение и самообновление живых систем, в той или иной степени присуща всем видам мимезиса.

3. Соотносительный анализ данных нейрофизиологических и социально-гуманитарных наук в изучении мимезиса и рекурсии показывает, что необходима более интенсивная работа по выстраиванию междисциплинарной связи.

4. Эвристическая продуктивность эпистемологической модели, принимающей в расчет мимезис и рекурсию, состоит прежде всего в связи классически понимаемой рефлексии и поисковой, практически реализуемой неосознаваемой самоорганизации и самоидентификации.

5. Важно, что это две стороны единого коммуникативного процесса, в котором значимо не только противопоставление субъекта и объекта, индивидуального и коллективного, личного и безличного, но и процессуально-смысловое поле их взаимодействия как равнозначных сторон, без редукции одного к другому. Благодаря этому сохраняется возможность не упустить в идентификации системы ее уникальных свойств, без чего и знание об объекте является неполным, и коммуникация между людьми оказывается формальной, неполноценной.

6. Рекурсивный механизм усложнения знаний об объекте позволяет прояснить неожиданный запуск качественно новых свойств комплексных социальных объектов, прежде всего усиление их автономности в продуцировании неуправляемых, непредсказуемых явлений, которые могут восприниматься как девиации с позиции классической теории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Donald M.** Mimesis and the executive suite: Missing links in language evolution // Approaches to the Evolution of Language: Social and Cognitive Bases / Ed. Hurford J.R., Studdert-Kennedy M., Knight C. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998. P. 44–67.
2. **Лоренц К.** Обратная сторона зеркала. М.: Республика, 1998. С. 243–467.
3. **Матурана У.** Биология познания // Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1995. С. 95–142.
4. **Матурана У., Варела Ф.** Древо познания: биологические корни человеческого понимания / пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 223 с.
5. **Maturana H.** Autopoiesis // Autopoiesis: A theory of living organization. N. Y.: North Holland, 1981.
6. **Бехтерева Н.П.** О мозге человека. СПб.: Нотабене, 1999.
7. **Черниговская Т.В.** Мозг и язык: полтора века исследований // Теор. проблемы языкознания. К 140-летию кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского гос. ун-та. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 16–35.
8. **Arbib M.A., Rizzolatti G.** Neural expectations: A possible evolutionary path from manual skills to language // Communication and Cognition. 1997. No. 29. P. 393–424.
9. **Анохин П.К.** Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978. 391 с.
10. **Ухтомский А.А.** Доминанта. СПб.: Центр, 2002. 448 с.
11. **Черниговская Т.В.** Когнитивный романтизм в зеркале контекстов // Эпистемология & Философия науки. 2006. Т. IX, № 3. С. 71–77.
12. **Arbib M.A., Mundhenk T.N.** Schizophrenia and the mirror system: and essay // Neuropsychologia. 2005. No. 43. P. 268–280.
13. **Chater N., Christiansen M.** Language acquisition meets language evolution // Cognitive science. 2010. No. 34. P. 1131–1157.
14. **Дули Р.** Нейромаркетинг. Как влиять на подсознание потребителя. М.: Попурри, 2013. 336 с.
15. **Deacon T.W.** The Symbolic Species: The Co-Evolution of Language and the Brain. N. Y.: Norton, 1997.
16. **Бодрийяр Ж.** Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
17. **Делез Ж.** Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998. 384 с.
18. **Проблемы** субъектов в постнеклассической науке: препринт / под ред. В.И. Аршинова и В.Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2007. 176 с.

МУРЕЙКО Лариса Валериановна — кандидат философских наук, доцент Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I.

Россия, 190031, Санкт-Петербург, Московский пр., 9
e-mail: lamureiko@gmail.com

L. V. Mureyko

MIMESIS AND RECURSION: THE PROBLEM OF SOCIAL COMMUNICATION IN THE EPISTEMOLOGICAL ASPECT

Recursion is a property of mimesis, through which the system procedure produces a variety of numerous copies (of similarity). While still poorly understood, it is an important factor in evolutionary and ontological possibilities of effective self-regulation, self-awareness, intersubjectivity, social communication in General, including mass communication. Specifies the causes of mimesis, the varieties depending on what underlies it: the imitation of the model; object; another entity, likening the system of signs, screen, technology, mediating and replacing of object and subject. It is emphasized that recursion is a property, through to

all types of mimesis that has communicative function. New is the specificity of recursion involving data from neurophysiology, anthropology, sociology, semiotics seen through the lens of epistemology. In this regard, the use of methods of comparative analysis, analogy, generalization, combine the methodology of interdisciplinary analysis. Consideration of the mechanism of mimesis, the properties of the recursion has at least three practical applications: 1) to identify a broader horizon of cognitive possibilities and adaptation; 2) to optimize children's learning and socialization as a whole; 3) to enhance effectiveness in the control of the mass consciousness.

MIMESIS; RECURSION; MIRROR NEURONS; SOCIAL COMMUNICATION; MASS MEDIA; EPISTEMOLOGY.

REFERENCES

1. Donald M. Mimesis and the executive suite: Missing links in language evolution. *Approaches to the Evolution of Language: Social and Cognitive Bases*. Ed. Hurford J.R., Studdert-Kennedy M., Knight C. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1998, pp. 44–67.
2. Lorenz K. [The reverse side of the mirror]. Moscow, Respublika Publ., 1998. Pp. 243–467. (In Russ.)
3. Maturana H. [Biology of cognition]. [*Language and intelligence*]. Moscow, Progress Publ., 1995. Pp. 95–142. (In Russ.)
4. Maturana H., Varela F. *Drevo poznaniya: biologicheskiye korni chelovecheskogo ponimaniya* [The Tree of knowledge: the biological roots of human understanding]. Moscow, Progress-Tradition Publ., 2001. 223 p. (In Russ.)
5. Maturana H. *Autopoiesis. Autopoiesis: A theory of living organization*. New York, North Holland, 1981.
6. Bekhtereva N.P. *O mozge cheloveka* [About the human brain]. St. Petersburg, Notabene Publ., 1999. (In Russ.)
7. Chernigovskaya T.V. [Brain and language: a half-century of research]. *The Theoretical problems of linguistics. To the 140th anniversary of the Department of General linguistics St. Petersburg State Univ.* St. Petersburg, St. Petersburg State Univ. Publ., 2004. Pp. 16–35 (In Russ.)
8. Arbib M.A., Rizzolatti G. Neural expectations: A possible evolutionary path from manual skills to language. *Communication and Cognition*, 1997, no. 29, pp. 393–424.
9. Anokhin P.K. *Filosofskiy aspekty teorii funktsional'noy sistemy* [Philosophical aspects of the theory of functional system]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 391 p. (In Russ.)
10. Ukhtomsky A.A. [Dominanta]. St. Petersburg, Centr Publ., 2002. 448 p. (In Russ.)
11. Chernigovskaya T.V. [Cognitive romanticism in the mirror of contexts]. *Epistemology & Philosophy of science*, 2006, of vol. IX, no. 3, pp. 71–77. (In Russ.)
12. Arbib M.A., Mundhenk T.N. Schizophrenia and the mirror system: and essay. *Neuropsychologia*, 2005, no. 43, pp. 268–280.
13. Chater N., Christiansen M. Language acquisition meets language evolution. *Cognitive science*, 2010, no. 34, pp. 1131–1157.
14. Duli R. Neyromarketing. *Kak vliyat' na podsoznaniye potrebatelya* [Neuromarketing. How to influence the subconscious of the consumer]. Moscow, Medley Publ., 2013. 336 p. (In Russ.)
15. Deacon T.W. *The Symbolic Species: The Co-Evolution of Language and the Brain*. New York, Norton, 1997.
16. Baudrillard J. *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. Moscow, Dobrosvet Publ., 2000. 387 p. (In Russ.)
17. Deleuze G. [Difference and repetition]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1998. 384 p. (In Russ.)
18. [Problems actors in post-nonclassical science]. Preprint ed. by V.I. Arshinov and V.E. Lepskiy. Moscow, Kogito-Centr Publ., 2007. 176 p. (In Russ.)

MUREYKO Larisa V. — *Petersburg State Transport University.*

Moskovsky pr., 9, St. Petersburg, 190031, Russia
e-mail: lamureiko@gmail.com